

Проблемы развития и бытия личности

Василий Розанов

АПОКАЛИПСИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ (ИЗБРАННЫЕ МЕСТА)*

ПРАВДА И КРИВДА**

«Без *грешного* человек не проживет, а без *святого* – слишком проживет». Это-то и составляет самую, самую главную часть а-космичности христианства.

Не только: «читаю ли я Евангелие с начала к концу, или от конца к началу», я совершенно ничего не понимаю:

Как мир устроен? И – почему?

Так что Иисус Христос уж никак не научил нас мирозданию; но и сверх этого и главным образом: – «дела плоти» он объявил грешными, а «дела духа» праведными. Я же думаю, что «дела плоти» суть главное, а «дела духа» – так, одни разговоры.

«Дела плоти» и суть космогония, а «дела духа» приблизительно выдумка.

И Христос, занявшись «делами духа», занялся чем-то в мире побочным, второстепенным, дробным, частным. Он взял себе «обстоятельства образа действия», а не самый «образ действия», т. е. взял он не *сказуемое* того предложения, которое составляет всемирную историю и человеческую жизнь, а – только одни *обстоятельственные, теневые, штриховые* слова.

«Сказуемое» – это еда, питье, совокупление. Обо всем этом Иисус сказал, что – «грешно», и – что «дела плоти соблазняют вас». Но если бы «не соблазняли» – человек и человечество умерли бы. А как «слава

* Розанов В. Апокалипсис нашего времени. – М., 2009. Продолжение. Начало см.: Развитие личности. – 2011. – № 3. – С. 244–248.

** Там же. – С. 44–52.

Богу – соблазняют», то – тоже «слава Богу» – человечество продолжает жить.

Позвольте: что за «слава Богу», если человек (человечество) умер?

Как же он мог сказать: «Аз есмь путь и жизнь»? Ничего подобного. Ничего даже приблизительного. «Обстоятельные слова».

Напротив, отчего есть «звезды и красота» – это понятно уже из насаждения рая человекам. Уже он – прекрасен, и это есть утренняя звезда. Я хочу сказать, что «утреннюю звезду» Бог дал человеку в раю: и тайным созданием Эдема Он выразил и вообще весь план сотворения чего-то изумительного, великолепного, единственного, неповторимого. Все к этому рвется: «лучше», «лучше», «лучше». Есть меры и измеримость: Бог как бы изрек – «Я – безмерный, и все сотворенное мною рвется к безмерности, бесконечности, нескончаемости». А, это – понятно. «Там онис и камень бдолах» (о рае). Напротив, когда мы читаем Евангелие, то что же мы понимаем в безмерности? Да и не в одной безмерности: мы вообще – ровно ничего не понимаем в мире.

«И вот, на небе великое знамение – жена, облеченная в солнце; под ногами ее – луна; и на голове ее – венец из двенадцати звезд.

Она имела во чреве и кричала от мук рождения».

(Апокалипсис, 12)

Тут мы понимаем, что роды, именно человеческие роды, лежат в центре космологии.

Библия – нескончаемость.

«Иисус же сказал: “Есть скопцы, которые из чрева матерного родились тако; и есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скопцы, которые сами сделали себя скопцами ради Царства Небесного. Кто может вместить это – да вместит”».

(Евангелие от Матфея, 19)

Тут мы совершенно ничего не понимаем, кроме того, что это не нужно.

Евангелие – тупик.

Теперь: «грех» и «святость», «космическое» и «а-космичность»: мне кажется, что если уже где может заключаться «святое», «святость» – то это в «сказуемом» мира, а не «в обстоятельствах образа действия». Что за эстетизм. Поразительно великолепие Евангелия: говоря о «делах духа» в противоположность «делам плоти» – Христос через это именно и показал, что «Аз и Отец – не одно». «Отец» – так Он и отец: посмотрите Ветхий Завет, – чего-чего там нет. Отец не пренебрегает самоналейшим в болезнях дитяти, даже в капризах и своеволии его: и вот там, в Ветхом Завете, мы находим «всяческое». Все страсти кипят, никакие случаи и исключительности – не обойдены. «Отец» берет свое дитя в руки, моет и очищает его сухим и мокрым, от кала грязного и от мокрого. Посмотрите о лечении болезней, парши, коросты. В пустыне Он идет над ними тенью – днем (облако, зной) и столбом огненным – ночью освещает путь. Похитили золотые вещи у египтян, и это не скрыто; ибо так естественно, так просто: ведь они работали на них в рабстве, работали – бесплатно. Этим таинственным и глубоким попечением о человеке, каким-то кутающим и пеленающим, – отличается «Отцовский завет» от сыновнего. Сын – именно «не одно» с Отцом. Пути физиологии суть пути космические, – и «роды женщины» поставлены впереди «солнца, луны и

звезд». Тут тоже есть *объяснение*, чего абсолютно лишено Евангелие. Действительно: тут показано, в видении Апокалипсиса, что и луна, и звезды, и солнце – все для облегчения «родов». *Жизнь поставлена выше всего*. И именно – жизнь человека. Пирамида ясна в основании и завершении. Евангелие оканчивается скопчеством, тупиком. «Не надо». Не надо – самых родов. Тогда для чего же солнце, луна и звезды? Евангелие со странным эстетизмом отвечает – «для украшения». В производстве жизни – этого не нужно. Как «солнце, луна и звезды» явились ни для чего, в сущности, так и роды – есть «ненужное» для Евангелия, и мир совершенно обесмысливается. «Все понятно» – в Библии, «ничего не понятно» – в Евангелии.

И вот – Престол Апокалипсиса, посреди коего сидят животные. Что за представление небес? Но разве роды коровы ниже чем-нибудь родов женщины? Это – «пути Божии». В «оправдании всего» Апокалипсиса – именно и лежит оправдание Божеское, оправдание Отцовское, и с болячками, и с коростами, и с поносами, и с запорами дитяти-человека. Как чудно! О, как хорошо! Славны и велики пути Твои, Господи, и славны они в болезни и в исцелении. Апокалипсис изрекает как бы правду Вселенной, правду *целого* – вопреки узенькой «евангельской правде», которая странным образом сводится не к богатству, радости и полноте мира, а к точке, молчанию и небытию скопчества. Воистину – «поколебались основания земли». Христос пришел таинственным образом «поколебать все основания» сотворенной «будто бы Отцом Его» Вселенной. И что Коперник, на вопрос о солнце и земле, начал говорить, что они действуют «по кубам расстояний», – то это совершенно христианский ответ. Это – именно «обстоятельства образа действия». А «для чего они действуют» – это и неведомо, и неинтересно.

Таинственным образом христианство начало обходиться «пустяками». На вопрос о земле и луне оно ответило «кубами расстояний», а на вопрос о гусенице, куколке и мотыльке оно ответило еще хуже: что так «бывает». «Наука христианская» стала сводиться к чепухе, к позитивизму и бессмыслице. «Видел, слышал, но не понимаю». «Смотрю, но ничего не разумею» и даже «ничего не думаю». Гусеница, куколка и мотылек имеют объяснение, но не физиологическое, а именно – космогоническое. Физиологически – они необъяснимы; они именно – *неизъяснимы*. Между тем космогонически они совершенно ясны: это есть все живое, решительно все живое, что приобщается жизни, гробу и воскресению.

В фазах насекомого даны фазы мировой жизни. Гусеница – «мы ползаем, жрем, тусклы и недвижимы». – «Куколка» – это гроб и смерть, гроб и прозябание, гроб и обещание. – Мотылек – это «душа», погруженная в мировой эфир, летающая, знающая только солнце, нектар, и – никак не питающаяся, кроме как из огромных цветочных чашечек. Христос же сказал: «*В будущей жизни* уже не посягают, не женятся». Но «мотылек» есть «будущая жизнь» гусеницы, и в ней не только «женятся», но – наоборот Евангелию – при сравнительной неуклюжести гусеницы, при подобии смерти в куколке – бабочка вся только одухотворена, и, не вкушая вовсе (поразительно!! – не только хоботок ее вовсе не приспособлен для еды, но

у нее нет и кишечника, по крайней мере – у некоторых!!), странным образом – она имеет отношение *единственно к половым органам* «чуждых себе существ», приблизительно – именно Деревя жизни: растений, непонятных, загадочных. Это что-то, перед всякой бабочкою, – неизмеримое, огромное. Это – лес, сад. Что же это значит? Таинственным образом жизнь бабочки указывает или предвещает нам, что и души наши после гробика куколки – будут получать от нектара двух или обоих божеств. Ибо сказано, что сотворена была Вселенная от Элогим (двойственное число Имени Божия, употребленное в рассказе Библии о сотворении мира), а не от Элоах (единственное число); что божеств – *два*, а не *одно*: «по образу и по подобию которых – мужем и женою сотворил Бог и человека».

Мотылек – душа гусеницы. Solo – душа, без приходящего. Но это показывает, что «душа» – не нематериальна. Она – осязаема, видима, есть: но только – *иначе, чем в земном существовании*. Но что же это и как? Ах, наши сны и сновидения иногда реальнее бодрствования. Гусеница и бабочка показывают, что на земле мы – только «жрем»; а что «там» будет все – полет, движение, камедь, мирра и фимиам.

Загробная жизнь вся будет состоять из света и пахучести. Но именно – того, что ощутимо, что физически – пахуче, что плотски, а не бесплотно – издает запах. Не без улыбки можно ответить о «соблазнах *мира сего*», что в них-то и «течет», как бы истекает из души вещей, из энтелехии вещей – уже теперь «жизнь будущего века»; и что вкусовая и обонятельная часть нашего лица, и вообще-то наиболее прекрасная и «небесная», именно и прекрасна от очертаний губ, рта и носа. «Что за урод, в ком нет носа и губ», или есть в них повреждение, и даже просто – некрасивая линия. Апокалипсическое в нас – улыбка. Улыбка – всего апокалипсичнее.

*Радость, ты – искра небес, ты – божественна,
Дочь елисейских полей...*

Это – не аллегория, это – реальная, точнее – это ноуменальная правда. «Хорошо соблазняться» и «хорошо быть соблазняемым». Хорошо, «через кого соблазн входит в мир»: он вносит край неба на плосковатую землю. Загадочно, что в Евангелии ни разу не названо ни одного запаха, ничего – пахучего, ароматного; как бы подчеркнуто расхождение с цветком Библии – «Песнью песней», этою песнею, о которой один старец Востока выговорил, что «все стояние мира недостойно того дня, в который была создана «Песня песней». И вот. Евангелие, таким образом, представляет «эту» и «будущую жизнь» совсем наоборот: «пути»-то жизни, насколько они *физиологические пути*, и есть *главное и небесное* (Престол Апокалипсиса); это есть «подлежащее», которое «оправдалось».

А тот «путь жизни», «жизнь *духа*» – есть «обстоятельный путь», проводимый в праздности, эстетике и разговорах...

И долго на свете томила она

это – земная жизнь гусеницы, ползающая и жрущая...

Желанием чудным полна

это – мотылек, бабочка, утопающая в эфире, в солнечных лучах. Того самого Солнца, которое «и со звездами, и с луною» – только «окружает роды женщины».

*И песен любви заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

И никакого «ада и скрежета зубовного» *там*, а – собирание нектара с цветов. За муки, за грязь и сор и «земледелие» гусеницы, за гроб и подобие, – но только *подобие смерти* в куколке, – душа восстанет из гроба; и переживет, каждая душа переживет, и грешная и безгрешная, свою невыразимую «песню песней». Будет дано каждому человеку по душе этого человека и по желанию этого человека. Аминь.

НЕМНОЖКО И РАДОСТИ*

«Приидите володеть и княжити над нами. Земля бо наша велика и обильна, а наряда в ней нет».

Нестерова летопись.

«Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил благословляя».

Тютчев

Удивительное сходство с евреями. Удивительное до буквальности. Историки просмотрели, а славянофилы не догадались, что это вовсе не «отречение от власти» народа, до такой степени уж будто бы смиренного, а – *неумелость* власти, *недаровитость* к ней или, что лучше и даже превосходно до единственности: что это прекрасный дар жить улицею, околодочком, и – не более, не грешнее.

«С нас довольно и сплетен, да кумовства».

Ей-ей, под немцами нам будет лучше. Немцы наведут у нас порядок, – «как в Риге». Устроят полицию, департаменты. Согласимся, что ведь это было у нас всегда скверно и глупо. Министерство заведут. Не будут брать взятки, – наконец-то... и о чем мы были, начиная с Сумарокова, и довели до самого Щедрина... «Бо наряда – нет». Ну их к черту, болванов. Да, еще: наконец-то, наконец немцы научат нас русскому патриотизму, как делали их превосходные Вигель и Даль. Но таких было только двое, и что же могли они?

Мы же овладеем их душою так преданно и горячо, как душою Вигеля, Даля, Ветенека (Востоков) и Гильфердинга. Ведь ни один русский *душою* в немца не переделался, потому что они воистину болваны и почти без души. Почему так и способны «управлять».

Покорение России Германиею будет на самом деле, и внутренне и духовно, – покорение Германии Россиєю. Мы, наконец, из них, – из лучших их, – сделаем что-то похожее на человека, а не на шталмейстера. А то за «шталмейстерами» и «гофмейстерами» они лицо человеческое потеряли.

Мы научим их танцевать, музыканить и петь песни. Может быть, даже научим молиться. Они за это будут нам рыть руду, т. е. пойдут в

* Там же. – С. 56–58.

каторгу, будут пахать землю, т. е. станут мужиками, работать на станках, т. е. сделаются рабочими. И будут заниматься аптеками, чем и до сих пор ни один русский не занимался. «Не призвание», – будут изготавливать нам «французские горчишники», тоже – как до сих пор.

Мы дадим им пророков, попытаемся дать им понятие о святости, – что едва ли мыслимо. Но хоть попытаемся. Выучим говорить, петь песни и сказывать сказки.

В тайне вещей мы будем их господами, а они нашими нянюшками. Любящими и послушными нам. Они будут нам служить. Матерьяльно служить. А мы будем их духовно воспитывать.

Ибо и нигилизм наш тогда пройдет. Нигилизм есть отчаяние человека о неспособности делать дело, к какому он вовсе не призван.

Мы, как и евреи, призваны к идеям и чувствам, молитве и музыке, но не к господству. Овладели же, к несчастью и к пагубе души и тела, $\frac{1}{6}$ частью суши. И, овладев, в сущности, испортили $\frac{1}{6}$ часть суши. Планета не вытерпела и перевернула все. Планета, а не германцы.

ОПАСНАЯ КАТЕГОРИЯ*

Обаятельный, обольстительный, лукавый.

Удивительно, что в категории «лукавства», – вот этого особенного и особой глубины греха, – не ведут вообще никакие порочные ступени, кроме как если ступить на первую:

– Обаятелен...

– Что такое? Как? Почему?

– Обаятелен, – потому что не подлежит укору, не представляет порока и пороков, и всех «обаяет», с первого же взгляда, как только кто увидит или услышит его.

– Обольстителен, потому что, в силу качества непорочности и красоты, – все идут за ним.

Но вот странно: как же из непорочности и красоты может вдруг выйти третье? Это совершенно не натурально. Но, однако, глаз людской, обыкновенный и, так сказать, нетенденциозный, вдруг заметил, что опасная категория именно и начинается с двух качеств:

– Обаятельности, обольстительности.

Поэтому бы, – «по предсказаниям», – надо быть особенно осторожным, если вдруг увидим человека особенно, исключительно невинного, чистого, непорочного.

– Обаятельного.

В этом отношении хорошо бы поставить зарок, ввиду именно предупреждений:

– Пусть будет хоть маленький порок. Почти – невинный, но – однако, недостаток. Величайший из древних, коего люди могли счесть «Богом», – и даже действительно начали было «искать его могилу как Бога», и не могли найти, – что человек этот был – говоря славянским словом – «гугнив». Т. е. он был косноязычен, заикался. «Спас народ Божий от рабства»

* Там же. – С. 59–60.

и «дал все (все!!) законы» и, с тем вместе, был ни более ни менее как зайкою. Качество – прямо смешное. Но качество невинно. И вот, по этому соединению «невинного и смешного», – мы узнаем Божию книгу и узнаем Божие событие.

В самом деле: от события и от книги никакого «худого последствия» не произошло. Нужно заметить, что «лукавое» начинает узнаваться по *последствиям*.

Ибо прямо-то ведь как узнать: «обаятелен» и «обольщает».

ТАЙНЫ МИРА*

Ты один прекрасен. Господи Иисусе! И похулил мир красотой Своею. А ведь мир-то – Божий.

Зачем же Ты сказал: «Я и Отец – *одно*»? Вы не только «одно», а ты – *идешь на Него*. И сделал что Сатурн с Ураном.

Ты оскотил Его. И только чтобы оскотить – и пришел. Вот! вот! вот! – наконец-то разгадка слов о скопчестве. И что в Евангелии уже не «любят», а живут как «Ангелы Божии»: как в плавнях приднепровских, «со свечечками и закопавшись». О, ужасы, ужасы...

И весь Ты ужасен. Ты – не простой, а именно – ужасен. И ты воскрес – о, я верю! «Егда вознесусь – всех привлеку к себе».

Но, – чем?

О, ты не *друг* человеков. Нет, не друг. «Договор», «завет» (о «ветхом»), и это кажется формально и сухо. Но как Ты их ужасно угнет, до последнего рабства. Поистине – «рабы Господни»... Даже и до смерти, до мученичества.

Не потрясает ли: «Ни единый мученик не был пощажен». А ведь *мог бы?*..

Мог ли?

О...

Конечно, кто *воскресил* Лазаря – *мог*. Значит – *не захотел...*?

О, о, о...

Ты *все* мог, Господи Иисусе. Ты, «потрясший небо и землю».

И не избавивший даже детей ни от муки небесной, ни от муки земной.

Рабы, рабы... Да, «договор – он “свят”». – «Ты – мне, как я тебе». Ты же дал все унижение и взял себе всю славу. И вот, неужели Ты не понимаешь, почему на Тебя восстал праведный Израиль. Он восстал – не понимая. «Что-то – *не то*». Что – «не то»? Да похулив создание Божие, Ты более всего похулил, – похулил особенно и страшно, – «отрока Иеговы». И он, не понимая, «что» и «за что», – восстал на Тебя.

Вот разгадка, вот разгадка, вот разгадка.

Ну, слушай: очень хороши «лилии полевые». Но ведь не хуже и «человек»? Что же Ты его все гвоздил «грехом»? И испугал муками? «Там будет огонь неугасимый» и «скрежет зубовный». Очень мило.

Вообще, все очень мило в Твоем создании, поистине – особом созда-

* Там же. – С. 61–63.

нии, особом «от Отца». Люди более не посягают, не любят, не множатся. А все слушают Тебя, как эта бедная Мария.

О, бедная, бедная... Да уж не мученица ли она «потом», которую Ты тоже забыл в небесном величии.

ПОЧЕМУ НА САМОМ ДЕЛЕ ЕВРЕЯМ НЕЛЬЗЯ ПОГРОМОВ?*

В революции нашей в высшей степени «неясен» еврей. Как он во всем неясен и запутался во всей европейской цивилизации. Но до Европы – оставим. Нам важны «мы». Посмотрите, как они трясутся над революцией. Не умно, злобовредно, но – трясутся. А ведь это и их «гешефтам» не обещает ничего. Даже обещает плохо. Почему же они трясутся? Я раз посмотрел в иллюстрированном журнале – Нахамкиса; и, против неприятного Ленина, сказал: «Как он серьезен» (хотел бы видеть в натуре).

Да, речь его против Михаила Александровича – нагла. Но ведь евреи и всегда наглы. В Европе, собственно, они не умеют говорить европейским языком, т. е. лстивым, вкрадчивым и лукавым, во всяком случае – вежливым, а орут как в Азии, ибо и суть азиаты, грубияны и дерзки. Это – гогочущие пророки, как я определил как-то. Они обо всякой курице, т. е. в торге, пророчествуют. «Ефа за ефу», – «отчего ефу не выверяешь», «отчего весы не верны» (Исаия, или который-то, раз попалось). Но... он действительно, действительно «припадал к ногам» – хотя быть «Стекловым»**. Но это – не обман. Только отодвинутый «кончиком носка сапога», он разъярился как «Нахамкис» и на Михаила Александровича, и – дальше... И возненавидел всю эту старую, «черствую Русь».

Евреи... Их связь с революцией я ненавижу, но эта связь, с другой стороны, – и хороша; ибо из-за связи и даже из-за поглощения евреями почти всей революции – она и слиняет, окончится погромами и вообще окончится ничем: слишком явно, что «не служить же русскому солдату и мужику евреям»... Я хочу указать ту простую вещь, что если магнаты еврейства, может быть, и думают «в целом руководить потом Россией», то есть бедные жидки, которые и соотечественникам не уступят русского мужика (идеализированного) и ремесленника и вообще (тоже идеализированного) сироту. Евреи сантиментальны, глуповаты и преувеличивают. Русский «мужичок-простачок» злобнее, грубее... Главное – гораздо грубее. «С евреями у нас дело вовсе не разобрано». Еврей есть первый по культуре человек во всей Европе, которая груба, плоска и в «человечестве» далее социализма не понимает. Еврей же знал вздохи Иова, песенки Руфи, песнь Деворры и сестры Моисея:

– О, фараон, ты свергнулся в море. И кони твои потонули. И вот ты – ничто.

Евреи – самый утонченный народ в Европе. Только по глупости и наивности они пристали к плоскому дну революции, когда их место – совсем на другом месте, у подножия держав (так ведь и поступают и чтут старые

* Там же. – С. 69–85.

** Найденное, после взлома революционного, его прошение на Высочайшее имя, о позволении переменить свою еврейскую фамилию – на русскую.

настоящие евреи, в благородном: «мы – рабы Твои», у всего настоящего Великого. «Величит душа моя Господа» – это всегда у евреев, и всегда – в отношении к великому и благородному истории). О, я верю, и Нахамкис приложился сюда. Но – сорвалось. Сорвалось не-«величие», и он ушел, мстительно, как еврей, – ушел «в богему». «Революция так революция». «Вали все». Это жид и жидок и его нетерпеливость.

Я выбираю жидка. Сколько насмешек. А он все цимбалит. Насмешек, анекдотов: а он смотрит русскому в глаза и поет ему песни (на жаргоне) Заднепровья, Хохломании, Подолии, Волыни, Кавказа и, может быть, еще Сирии и Палестины и Вавилона и Китая (я слышал, есть китайцы-евреи, и отпускают себе косы!!!). Еврей везде, и он «странствующий жид». Но не думайте, не для «гешефта»: но (наша Летопись) – «Бог отнял у нас землю за грехи наши, и с тех пор мы странствуем».

И везде они несут благородную и святую идею «греха» (я плачу), без которой нет религии, а человечество было бы разбито (праведным небом), если бы «от жидов» не научилось трепетать и молить о себе за грех. Они. Они. Они утерли соплю пресловутому европейскому человечеству и всунули ему в руки молитвенник: «На, болван, помолись». Дали псалмы. И Чудная Дева – из евреек. Что бы мы были, какая дичь в Европе, если бы не евреи. Но они пронесли печальные песни через нас, смотрели (всегда грустными глазами) на нас. И раз я на пароходе слышал (и плакал): «Купи на 15 коп. уксусной кислоты – я выпью и умру. Потому что он изменил мне». Пела жидовка лет 14-ти, и 12-летний брат ее играл на скрипке. И жидовка была серьезна. О, серьезна... Я (в душе) плакал. И думал: «Как честно: они вырабатывают пятаками за проезд, когда у нас бедные едут фуками, т. е. как-нибудь на казенный счет, или под лавкою, и вообще – на даровщинку».

И вот они пели, как и Деворра, не хуже. Почему хуже? Как «На реках вавилонских»: – «О, мы разобьем детей твоих о камень, дочь вавилонская». Это – Нахамкис. Нахамкис кричит: «Зачем же лишили его права быть Стекловым», «благородным русским гражданином Стекловым», и так же стал «ругать зверски Михаила Александровича», как иудеянки хотели (ведь только *хотели*) «разбивать вавилонских детей о камня» (вавилонский жаргон).

Это – гнев, ярость: но оттого-то они и живут и не могут, и не хотят умереть, что – горячи.

И будь, жид, горяч. О, как Розанов – и не засыпай, и не холодей вечно. Если ты задремлешь – мир умрет. Мир жив и даже не сонен, пока еврей «все одним глазком смотрит на мир». – «А почем нынче овес?» – И торгуй, еврей, торгуй, – только не обижай русских. О, не обижай, миленький. Ты талантлив, даже гениален в торговле (связь веков, связь с Финикией). Припусти нас, сперва припусти к «Торговле аптекарскими товарами», к аптекам, научи «синдикатам» и, вообще, введи в свое дело ну хоть из 7–8%, а себе – 100, и русские должны с этим примириться, потому что ведь не они изобретатели. Подай еврею, подай еврею, – он творец, сотворил. Но потом подай и русскому. Господи: он нищ.

О, довольно этой «нищенской суммы», этого христианского нищен-

ства, из которого ведь выглядывают завидующие глазки. Но оставим. И вернемся к печальным песням Израиля.

И вот он играет, мальчишка, а девчонка поет. Как я слушал эту песню безумную, на Волге. И дети мои слушали. И они почти плакали. Впечатлительны все. «Ведь у вас был Самсон, еврей?» Моргает. – «Помните, Самсон и Далила?» – «Как они сражались с филистимлянами?» – «Сражались, о, о...» – «Ну?» – «Теперь одна стена плача. Римляне разорили все»...

И они трясут кулаками по направлению Рима. «У... У... У...» Но, еврей, утешься: давно прошли легионы Рима; от Рима, «того самого», осталось еще меньше, нежели осталось от Иерусалима; он еще гораздо глубже погребен. А вы все еще спрашиваете у ленивого хохла: «А все-таки, почем же пшено?»

Русские в странном обольщении утверждали, что они «и восточный, и западный народ», – соединяют «и Европу, и Азию *в себе*», не замечая вовсе того, что скорее они и *не* западный, и *не* восточный народ, ибо что же они принесли Азии, и какую роль сыграли в Европе? На востоке они ободрали и споили бурят, черемисов, киргиз-кайсаков, ободрали Армению и Грузию, запретив даже (сам слушал обедню) слушать свою православную обедню по-грузински. О, о, о... Сам слушал, сам слушал в Тифлисе. В Европе явились как Герцен и Бакунин и «внесли социализм», которого «вот именно не хватало Европе». Между Европой и Азией мы явились именно «межеумками», т. е. именно нигилистами, не понимая ни Европы, ни Азии. Только пьянство, муть и грязь внесли. Это действительно «внесли». Страхов мне говорил с печалью и отчасти с восхищением: «Европейцы, видя во множестве у себя русских туристов, поражаются талантливостью русских и *утонченным их развратом*». Вот это – так. Но принесли ли мы семью? добрые начала нравов? Трудоспособность? Ни-ни-ни. Теперь, Господи, как страшно сказать... Тогда как мы «и не восточный, и не западный народ», а просто ерунда, – ерунда с художеством, – евреи являются на самом деле не только первенствующим народом Азии, давшим уже не «кое-что», а весь свет Азии, весь смысл ее, но они гигантскими усилиями, неутомимой деятельностью становятся мало-помалу и первым народом Европы. Вот! Вот! Вот! Этого-то и не сказал никто о них, т. е. «о соединительной их роли между Востоком и Западом, Европою и Азией». И – пусть. О, пусть... Эти – да, да, да.

Посмотрите, встрепенитесь, опомнитесь: несмотря на побои, как они часто любят русских и жалеют их пороки, и никогда «по-гоголевски» не издеваются над ними. Над пороком нельзя смеяться, это – преступно, зверски. И своею и нравственною, и культурною душою они никогда этого и не делают. *Я за всю жизнь никогда не видел еврея, посмеявшегося над пьяным или над ленивым русским.* Это что-нибудь значит среди оглушительного хохота самих русских над своими пороками. Среди наших очаровательных: «Фон-Визин, Грибоедов, Гоголь, Щедрин, Островский». А вот слова, которые я слышал: «Послушайте, как вы смотрите на русского священника?» – «При всех его недостатках, я все-таки люблю его». – «Люблю? Это – мало: можно ли *не чтить его*: он получает корку хлеба, т. е. сельский священник, а сколько труда, сколько труда он несет». Это

доктор Розенблюм, в Луге, в 1910 г. Я думал, он – немец. Расспросил – еврей. Когда разбиралось дело Панченко («Де-Ласси и Панченко»), пришлось при экспертизе опросить какого-то врача-еврея, и он сказал серьезно: «Я вообще привык думать, что *русский врач есть достойное и нравственное* лицо». Я так был поражен обобщенностью вывода и твердостью тона. И за всю жизнь я был поражаем, что несмотря на побои («погромы»), взгляд евреев на русских, на душу русскую, на самый даже несносный характер русских, – уважителен, серьезен. Я долго (многие годы) приписывал это тому, что «евреи хотят еще больше развратиться русским»: но покоряет дело истине своей, и я в конце концов вижу, что это – не так. Что стояло безумное оклеветание в душе моей, а на самом деле евреи уважительно, любяще и трогательно относятся к русским, даже со странным против европейцев предпочтением. И на это есть причина: среди «свинства» русских есть, правда, одно дорогое качество – интимность, задушевность. Евреи – то же. И вот этою чертою они ужасно связываются с русскими. Только русский есть пьяный задушевный человек, а еврей есть трезвый задушевный человек.

Огромный красивый солдат, в полусумраке уже, говорил мне:

– Как отвратительно... Как отвратителен тон заподозривания среди этого Совета солдатских и рабочих депутатов. Я пришел в Таврический Дворец и не верю тому, что вижу... Я пришел с верою – в народ, в демократию...

Так как я пришел «без веры», то горячо и как бы «хватаясь за его руку», спросил у него:

– Да *кто* вы?

– Солдат из Финляндии... Стоим в Финляндии... Я, собственно, еврей...

– Я – русский. Русский из русских. Но я хочу вас поцеловать. – И мы крепко поцеловались.

Это было, когда я захотел посмотреть «солдатских депутатов» в марте или апреле 1917 года.

В том же месяце, но много позже:

Угол Литейной и Бассейной. Трамвай. Переполнен. И старается пожилой еврей с женою сесть с передней площадки, так как на задней «висят». Я осторожно и стараясь быть не очень заметным – подсаживаю жену его. Когда вдруг схватил меня за плечо солдат, очевидно нетрезвый («ханжа»):

– С передней площадки запрещено садиться. Разве ты не знаешь?!...!

Я всегда поражался, что эти господа и вообще вся российская публика, отменив у себя царскую власть «порывом», никак не может допустить, чтобы человек, тоже «порывом», вскочил на переднюю площадку вагона и поехал, куда ему нужно. Оттолкнув его, я продолжал поддерживать и пропихивать еврейку, сказав и еврею: «Садитесь, садитесь скорее!!»

Мотив был: еврей торопливо просил пропустить его «хоть с передней», ибо он спешил к отходу финляндского поезда. А всякий знает, что значит «опоздать к поезду». Это значит «опоздать и к обеду», и пошло расстройство всего дня. Я поэтому и старался помочь.

Солдат закричал, крикнув и другим тут стоявшим солдатам («на помощь»): «Тащите его в комиссариат, он оскорбил солдата». Я, правда, кажется назвал его дураком. Я смутился: «с комиссариатом я ко всякому обеду у себя опоздаю» (а тоже спешил). Видя мое смущение и страх, еврей вступился за меня: «Что же этот господин сделал, он только помог моей жене».

И вот, я не забуду этого голоса, никогда его не забуду, потому что в нем стоял нож:

– Ж-ж-ид прок-ля-тый...

Это было так сказано.

И как музыка, старческое:

– Мы уже теперь все братья («гражданство», «свобода» – март): зачем же вы говорите, так (т. е. что «и еврей, и русский – братья», «нет больше евреев как *чужих и посторонних*»).

Я не догадался. Я не догадался...

Я слышал всю музыку голоса, глубоко благородного и глубоко удивляющегося.

Потом уже, на завтра, и даже «сегодня» еще, я понял, что мне нужно было, сняв шапку, почти до земли поклониться ему и сказать: «Вот я считаюсь врагом еврейства, но на самом деле я не враг: и прошу у вас прощения за этого грубого солдата».

Но солдат так кричал и так пытался схватить и действительно хватал за руку со своим «комиссариатом», что впопыхах я не сделал естественного.

И опять этот звук голоса, какого *на русской улице*, – уж извините: на русской пох...ной улице, – не услышишь.

Никогда, никогда, никогда.

«Мы уже теперь все братья. Для чего же вы говорите так?»

Евреи наивны: евреи бывают очень наивны. Тайна и прелесть голоса (дребезжащего, старого) заключалась в том, что этот еврей, – и так, из полуобразованных, мещан, – глубоко и чисто поверил, со всем восточным доверием, что эти плуты русские, в самом деле «что-то почувствовав в душе своей», «не стерпели старого произвола» и вот «возгласили свободу». Тогда как, по заветам русской истории, это были просто Чичиковы, – ну «Чичиковы в помеси с Муразовыми». Но уже никак не больше.

Форма. Фраза.

И вдруг это так перерезало музыкой. Нельзя объяснить, не умею. Но даже до Чудной Девы мне что-то послышалось в голосе. «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боге Спасе моем».

Я хочу то сказать, что все европейское как-то необыкновенно грубо, жестко сравнительно с еврейским. Тут тайна Сирии и их жарких стран. Тут та тайна еще, что они Иова слушают не две тысячи лет, а пять тысяч лет, да, очевидно, и слушают-то другим ухом. Ах, я не знаю что... Но я знаю, что не в уме евреев дело, не в деятельности и деловитости, как обыкновенно полагают, а совершенно в ином... Дело заключается, или почти должно заключаться, в какой-то таинственной Суламифи, которая у них разлита во всем, – в ином осязании, в иной восприимчивости к цветам, в

иной пахучести, и – как человека «взять», «обнять», «приласкать». Где-то тут. «От человека к человеку». Не «в еврее», а в «двух евреях». И вот тут-то они и разливаются во всемирность.

«Русские – общечеловеки». А когда дело дошло до Армении, – один министр иностранных дел (и недавний) сказал: «Нам (России) нужна Армения, а вовсе не нужно армян». Это – деловым, строгим образом. На конце тысячелетия существования России. Т. е. не как восклицание, гнев, а (у министра) почти как программа... Но ведь это значит: «согнал бы и стер с лица земли армян, всех этих стариков и детей, гимназистов и гимназисток, если бы *не было неприлично и не показалось некультурно*». Это тот же Герцен и тот же социализм. Это вообще русский нигилизм, очевидно *вековечный* (Кит Китьч, о жене своей: «хочу с кашей ем, хочу со щами хлебаю»). Опять, опять «удел России»: – очевидно, не русским дано это понимание в удел. Несчастные русские, – о, обездоленные... Опять же евреи: на что – погромы. Ведь это – ужас. И вот все же они нашли и после них все слова, какие я привел, – и порадоваться русской свободе, и оценить русского попа. Да и вообще, *злого глаза, смотрящего украдкой или тайно за спиною русского, я у еврея не видал*.

Я и хочу сказать, что дело заключается в какой-то деловой всемирности, – не отвлеченной, не теоретической, а с другой стороны, – не вздыхающей и слезливой, а практической и помогающей. Самый «социализм их», как я его ни ненавижу, все-таки замечателен: все-таки ведь социализм выражает мысль о «братстве народов» и «братстве людей», и они в него уперлись. Тут только наивность евреев, которые решительно не так умны, как европейцам представляется, как европейцы пугаются. Они взяли элементарно, первобытно, высчитывая по пальцам: «кто с *чем*, с *каким имуществом* живет», и не догадываясь, что все зависит от «*как* этот человек живет»: что можно жить «с большим богатством – *как в аду*» (наши Кит Китьчи) и можно жить на кухне, «в прислугах» – счастливее господ». Решительно я замечал, как многие «господа» живут печальнее, грустнее и раздраженнее своих прислуг, которые – по самым лицам их видно – живут «*благодаря*» и «в *благоволении*». Социализм вообще плосок, доска, – и безмерная наивность евреев, что они восприняли его, что они поверили в такой глупый счет арифметических машин. И я верю, что это непременно и скоро кончится. *Им ли, им ли*, после *их ли истории* и *судеб*, – верить этому... Им ли, которые в неге реализма («*будь все как есть*») произнесли: «льна курящегося» *не погаси* и «трости надломленной *не переломи*, – и которые, если кто богатый обеднеет у них, то община обязана не только содержать его, но и купить ему карету, если прежде была у него карета: дабы он не испытывал перемены в самом уровне своего положения и *не скорбел через самую мысль даже о нем*... Это именно негa благородства и человечности, и выраженная кухонным, т. е. реальнейшим способом. «Так несчастно живут в их гетто» и их «свинные кагалы». (Мне сообщил это еврей, торговец дамскими ботинками, в совершенно темном вагоне, в СПб., в Варшавском вокзале: он был, что такая у них редкость, немного не трезв.) Вот! вот! вот! настоящая идея уравниения бедного и богатого: помощь бедному и *помощь богатому*, дабы оба держались

«на том же уровне», без ощущения разницы температур *привычной жизни*, жизни – просто *от роду*. О, гений универсальности и чуткости. Богач может также скорбеть, и *страдания его могут быть величайшие*. Нельзя завистливым глазом смотреть на богатство. Это – христианство. И чуть ли именно по зависти, а не по «благости» – социализм есть воистину христианское явление. Самый «социализм» или «социализация» – без христианства – выразился бы, пожалуй, в другом, иначе: обедаю сам, но и еще лишнему, гостю, *чужому с улицы* – даю обед, сажаю с собою его за стол, *не отягощаясь*, что это – чужой. Социализм выразился бы *близостью*, социализм выразился бы любовью: а не – «перерву горло» у солдата, закричавшего: «Жид проклятый». Словом, социализм выразился бы тоже одним из таинственных веяний Суламифи, каким – мы не знаем, если бы он был оригинально-евреен, а не подражательно-евреен (от европейцев). Да вот: «Дай я умою ноги тебе», о нищем, о бедном. Тут именно «дотронуться», дотронуться *до бедного*. Как я и сказал: «Надо пощупать кожу его».

Суть вещей. Суламифь. Ведь вся «Песнь песней – пахуча. Тайна вещей, что он не «добр», а – нежен. Добро – это отвлеченность. Добро – это долг. Всякий «долг» надоеет когда-нибудь делать. Тайна мира, тайна всего мира заключается в том, чтобы *мне самому было сладко делать сладкое*, и вот тут секрет. «Сними обувь, и я, взяв холодной воды, – проведу по подошвам твоим, по подъему ноги, по пальцам». Тут так близко, что уже есть любовь. «Я замечу старую морщину у старика – да и так, может выйти случай, шутка около омовения ног». Это вообще так близко, что не может не завязаться шутка и анекдот «около ноги». Ну, вот, видите: а раз – шутка и анекдот, то уже никогда не выйдет холодного, холодного потому – что формального, *liberté, fraternité, égalité*. К великим прелестям еврейской истории относится то, что при всей древности и продолжительности ее – никогда у них даже не мелькнуло сказать такой пошлости. Такой неверности и такой несправедливости. Ибо ведь нужно и истину и справедливость перевернуть вверх дном, дабы между неодинаковыми, ничего между собою не имеющими общего людьми установить *égalité*, да и еще родственное, – *fraternité*.

Прямо чувствуешь франтов и маркизов XVIII века, *fin du siècle XVIII-ème**. А это:

«Около тебя *раба твоя*, Руфь...» – «И *будет мне по глаголу твоему*»... Какие все тоны! Ты плачешь, европеец. Плачь же. Плачь бедными своими глазами. Плачь: потому что в оригинальной твоей истории ты вообще не сотворил таких словооборотов, сердцеворотов, умоворотов. Вся душа твоя – площе, суше, холоднее. О, другое солнце, другое солнце. Другая пахучесть, иные травы. И – посмотрите, королевы ли, маркизы, жены, любовницы: ведь Суламифь – всего только любовница. Любовница? И никто не отрицает. Но жены стоят и рыдают: «О, как хотели бы мы только побыть такою любовницею». И вот – посмотрите чудо, чудо уже в нашей истории и «в строгостях наших»: и церковь не отрицает,

* Конец XVIII столетия (франц.).

что это – только любовница. Но и она рыдает и говорит: «Какое чудо... Я знаю – *кто* она, эта Суламифь: и – не осуждаю, и обнимаю ноги ее, потому что она вся прекрасна и благородна, и нет лучшей между женами по чистоте мыслей и слов».

И чувствуете ли вы, европейцы, что вот уже и весь мир преобразен. Нет ваших сухих категорий, нет ваших плоских категорий. Где юриспруденция? где законы? Нет, где – гордость? А из нее у Европы – все. Вся Европа горда, и из гордости у нее все. Не надо! Не надо! Небо, небо! Неба дай нам. А небо...

Оно там, где рабство. Где рабы счастливее господ. А «где рабы счастливее господ» – это тайна Израиля. Ибо поистине Суламифь была счастливее Соломона, и Агарь прекраснее Авраама. Вот.

ЕЩЕ О «СЫНЕ» В ОТНОШЕНИИ «ОТЦА»*

...В сынах человеческих, – сынах *земных* и *несовершенных*, – так это и происходит, что «сын **рождается**», если отец был не **полон**. Если он не кругл, не закруглен (зерно, вид зерна, онтологическое основание закругленности **всяких вообще зерен**), если он – **угловат**.

Сын, дети в сынах человеческих всегда не **походят** на отца и скорее **противолежат** ему, нежели его повторяют собою. Мысль о *тавтологии* с отцом, *неотличимости* от отца противоречит закону космической и онтологической целесообразности. Повторение вообще как-то глупо. Онтологически – оно невозможно.

Посему, кто сказал бы: «Я и отец – **одно**», вызвал бы ответом недоумение: «К чему?» – «Зачем *повторение*?» Нет явно, что сын мог бы «прийти», только чтобы «восполнить отца» как несовершенного, лишенного полноты и вообще недостаточного. Без онтологической недостаточности отца не может быть сына, хотя бы отец и был «вечно рождающим» и даже только в сути своей именно «рождающим». Но он «рождает мир» и, наконец, имеет дар, силу и красоту рождения, хотя бы даже без выражения ее на земле или в истории. Вернее, он именно *продолжает* и доселе сотворять мир, *соучаствуя* всем *тварям* без исключения в родах их: составляет *нерв* и *нить* ихних родов, от цветка и до человека, без преимущества цветку или человеку. Но чтобы «появился сын» как имянность и лицо, то это могло бы быть только, чтобы сказать нечто *новое земле* и *совершить* на ней тоже *новое*. Без новизны нет сына. Сказать *иное* от отца и именно отличное от отца – вот для чего мог бы «прийти» сын. Без противоречия отцу не может быть сына.

Так это и изложено в самом Евангелии. «Древние говорят... а [но] – Я говорю». На самом деле это говорили не древние *люди*, но – *закон* их, вышедший от Отца. Возьмем же «око за око» и «подставь ланиту ударившему тебя». «Око за око» есть основание онтологической справедливости наказания. Без «око за око» – *бысть* преступление и *несть* наказания. А «наказание» даже в упреке совести (и в нем сильнее, чем в физике) оно *есть* и оно *онтологично миру*, т. е. однопространственно и одновременно миру, в душе его лежит. И оттого, что оно так *положено* в мире, положено

* Там же. – С. 86–88.

Отцом небесным, – Христова «ланита», в противоположность Отцовскому (как и *везде*) *милосердию*, – довела человечество до мук отчаяния, до мыслей о самоубийстве, или – до бесконечности обезобразила и охаотила мир. Между прочим, на это показывают слова Апостола Павла: «*Бедный я человек, кто избавит меня от сего тела смерти*». Это – прямо вопль Каина, и относится он, бесспорно, к вине отмены обрезания, т. е. к разрушению им, уже совершенно явно, всего Ветхого Завета, при полном непонимании этого Завета. Как и везде в Евангелии, при «пустяках» ланиты, делая пустое облегчение человеку, – Христос *на самом деле невыносимо отяготил* человеческую жизнь, усеял ее «терниями и волчцами» колючек, чего-то рыхлого, чего-то несбыточного. На самом деле, «справедливость» и «наказание» есть то «обыкновенное» и то «нормальное» земного бытия человеческого, без чего это бытие потеряло бы уравновешенность. Это есть то ясное, простое и вечное, что именно характеризует «полноту» отца и его вечную основательность, – кончающую короткое коротким, – на место чего стали слезы, истерика и сентиментальность. Настала Христова мука, настала Христова смута.

ХРИСТИАНИН*

Точно он больной и всех заподозривает, что они больны еще какими-то худшими болезнями, нежели он сам. Только к одному, к власти, он не чувствует подозрения. Власть всегда добра, блага, и, собственно, потому, что он ленив и власть обещает ему его устроить как калеку.

Благотворение, которое везде восполняет недостаток, у христиан есть нормальное положение. Тут все благотворят «нищую братию», и какая-то нищета имущества, тел и духа вот христианство. «Худощавые люди».

Когда славяне позвали «варяг из-за моря» управлять себя, управлять своею «обширною и богатою землею», они показали себя какими-то калекками уже до рождения. Ужасно.

Ужасно и истинно. И до сих пор, до нашего даже времени, я наблюдал, что все получше землицы, «покруглее», поудобнее местоположением – в руках немцев или евреев. «Дача Штоля», «имение Винклера». За 15 000 Штоль скупил леса и земли около трех огромных озер, и уже через семь лет ему предлагали за них около 120 000, и он не продал. Он знал, что внук его возьмет за них миллион. Это точь-в-точь «история варягов». Прогдал, без сомнения, помещик, обеспечивавший свою кухарчонку с детьми. «Ей больше 15 000 не надо. А значит – и мне»; «я же проживу при ней. Она меня, кстати, пускает и в картишки перекинуться». Поэты.

У нас везде Нали и Дамаянти. Художественная нация. С анекдотом.

И вот так мы живем. Но вернемся к христианам. Нет ясного, доброго, веселого глаза. Все всех осматривают, все всех подозревают. Все о всех сплетничают. «Христианская литература» есть почти «история христианской сплетни». Посмотрите беллетристику, театр. Это почти сплошное злословие.

* Там же. – С. 92–94.

Как ужасно. И еще как ужаснее любить все это. Стонаю и люблю, сто-
наю и люблю. Привычка, традиция. Ах, «мои бедные родители»

. СТРАННОСТЬ*

Много в Евангелии притчей, но где же молитва, гимн, псалом? И почему-то Христос ни разу не взял в руки арфу, свирель, цитру и ни разу не «воззвал»? Почему Он не научил людей молиться, разрушивши в то же время культ и Храм? И о Храме явно сказав, что Он его разрушит: как и об Иерусалиме – тоже величительно предсказав, что он падет и разрушится. Разрушится такое средоточие молитв и молитвенности, какого, конечно, не было нигде еще на земле. Почему-то таинственно и неисповедимо людям никогда не пришло на ум, что Евангелие есть религиозно-холодная книга, чтобы не сказать – религиозно-равнодушная. Где не поют, не радуются, не восторгаются, не смотрят на Небо; и где вообще как-то уж очень «не похоже на рай первобытных человеков». Не пришло на ум никому, что если чем более всего Евангелие удивляет и поражает, то это религиозною трезвостью; близкою уже к рационализму; и где «пары» не идут ни «сверху», ни «снизу». «Притча», «притча», – «вышел сеятель сеять в поле», – все это как будто уже приурочено для Гарнака и священника Григория Петрова; рассказ «из житейского» на поучительную обыденную «мораль»... Сверх Гарнака надо бы еще прибавить и Фаррария: но где же тут религия? Где главное он, псалом – существо всего дела? И этот Царь. *Неудержимо поющий Богу?*

«Как лань желает на источники вод, так душа моя тоскует по Тебе, Боже...»

На большом, все-таки очень большом протяжении Евангелия только всего одна молитва в семь строк. И как она вся последовательна, отчетлива. Это – логика, а не молитва; с упоминаниями о том-то и том-то, но без умиления, без йоты восторга. Это какое-то продолговатое «дважды два = Боже». Разве это то, что «молитва мытаря», великая, прекрасная, *единственная*. Но возьмите же глаза в руки: это вовсе не молитва Христа, а случайно подслушанная евангелистом именно молитва человека и мытаря. Не поразит ли каждого, что у Христа в молитве «Отче наш» – *меньше ноумена молитвенности*, нежели у этого бедного человека.

И вообще, мы не слышим молитв и любящих излияний сердца именно Христа к Отцу Своему, что так естественно бы от Сына, что так ожидалось бы от Сына. Люди молятся, но Христос не молится. Молится где-то фарисей, в отодвинутости, в отстранении, в какой-то *гадливой тени*, и как это параллельно и как бы «поддерживает» уже предрешенное разрушение Храма, и Иерусалима, и всего племени Израильского. «*Так они молились, и чего же ждать от этого племени?*» Между тем *теперь* мы уже знаем Симона Праведного, бен-Иохая, равви Акибу. Они молились *вовсе не «так»...* Да что, Иона: даже «попав в чрево китово», он все-таки «встал на молитву» и «воззвал»: не был же и он фарисеем и не для фари-

* Там же. – С. 94–97.

сейства он молился. Иона невидимо и прекрасно защищает, и – фарисея. Евреи молились вовсе не так, как описано в Евангелии, и в Евангелии содержится клевета на молитвы евреев. Эти уторможенные жидки, и Симон Праведный, и Акиба, бегали, суетились, кричали, кричали на народ, но никогда «торжественно не становились в позу» и не произносили слов, воистину проклятых. Единственно, в чем они «прегрешили против Евангелия», – это что так любили и Храм, и город, и народ...

Какое-то странное угашение молитвенности... Сколько путешествуют в «Деяниях» и – нет чтобы помолился кто, отправляясь в путь; и нет чтобы помолился кто, вернувшись благополучно с дороги. А столько хлопот. Нельзя не заметить насмешливо: «Ты слишком хлопочешь. Марфа, – присядь к ногам Отца Небесного»... Но именно Отец Небесный загадочно уже на ум никому не приходит: только – Сын, везде – Сын, заменяющий Отца... Между тем что же такое *молитва*, как не исчерпывающее отношение дитяти-человека к Богу! И вот именно она-то таинственно исчезает. Только рассуждают. И приходит на ум, что арфу Давида, лиру Аполлона и свирель Марсия, – *мы окидывает весь древний мир*, – отныне заменят богословствующие споры. И что, пожалуй, тайный-то ноумен Евангелия и всего «дела евангельского» и лежал в перемене – музыки молитвы на «*cogito ergo sum*»* богословия.

PERTURBATIO AETERNA**

– «Аз же глаголю вам: **первые да будут последними, а последние станут первыми**».

И спросили Его ученики: «Но, Господи: до какого *предела* и в каких *сроках*?»

И паки рек:

« – Первые да будут последними и последние первыми ».

« – Но, учитель благой: если так, то какое-же царство устоит, и какая земля останется тверда, если все станет класться верхом вниз, а снизу – наверх? »

И рек снова: – «Первые да будут последними, а последние станут первыми».

Ученики же глаголаша:

« — Но если это не медь бряцающая и не кимвал звенящий: то как вырасти овощу, если будет не гряда с *лежащею* землею, а только *мелькание* заступа, переворачивающего землю со стороны на сторону? »

И паки еще рек: «Аз же истинно, истинно глаголю вам: первые станут последними, а последние первыми».

– И убоялись ученики Его. И отойдя – совещались. И качали головами. И безмолвствовали.

.....

Но зашумела история: заговоры, бури, перевороты. Смятения народных волн. И все усиливаются подняться к первенству. И никто долго не

* Мыслью, следовательно, существую (*лат.*).

** Вечное смятение (*лат.*). Там же. – С. 98–102.

может его удержать, а идет ко дну.

.....
Воистину: «Пошли серп твой на землю: и пусть пожнет растущее на ней» (Апокал.).

«И был плач и скрежет зубовой. И земля была пожата».

.....
«Он (Раскольников) пролежал в больнице весь конец поста и Святую. Уже выздоравливая, он припомнил свои сны, когда еще лежал в жару и бреду. *Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и неведомой моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же сумасшедшими и бесноватыми.* Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшестввовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, – всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. *Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать.* Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех; но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться. Остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расстраиваться, – но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спастись во всем мире могли только несколько человек, – это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю» («Преступление и наказание», издание 1884 года, страницы 500 – 501).

.....
«И вышедши, Иисус шел от Храма. И приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания Храма».

Иисус же сказал им: «Видите ли все это? Истинно, истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне. Все будет разрушено» (Евангелие от Матфея, глава 24:1–2).

.....
И спросил Его Иоанн: «Господи, кто *предаст Тебя?*» Иисус же ответил: – «Кому Я, обмакнув в соль, подам кусок хлеба – тот предаст Меня». И, обмакнув, подал Иуде. **И тотчас вошел Сатана в душу Иуде. И он, встав, пошел и предал Его**».

.....
.....
«Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда...»
.....
.....

«*Не спешите колебаться умом, и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания как бы нами посланного, будто бы наступает уже день Христов.*

Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление, и не откроется человек греха, сын погибели:

Противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом, или святынею, так что в Храме Божиим сядет Он, как Бог, выдавая Себя за Бога.

И ныне вы знаете, что не допускает открыться Ему в свое время.

Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь.

И тогда откроется беззаконник – тот, *Которого приход по действию сатаны будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными.*

И со всяким неправедным обольщением погибающих» (Второе послание Апостола Павла к Фессалоникийцам. Глава 2:2–10).

.....
.....
«Я испытал тех, которые **называют себя Апостолами**, а они не таковы, и нашел, что они – лжецы.

И они говорят о себе, что они – иудеи, но они не таковы, а – **сборище сатанинское**» (Апокалипсис, глава 2:2–3).

О СТРАСТЯХ МИРА*

Здесьняя земная жизнь – уже таит корни неземной. Как и сказано:

Есть упоение в бою...

Это – Марс и Арей, *божества Марса и Арея*; они – как *боги*.

И бездны мрачной *на краю*,

И в бушеваньи урагана.

И в дуновении чумы...

Бессмертья, может быть, залог.

Какая мысль, – какая мысль, *инстинктом*, – скользнула у Пушкина! Именно – «залог бессмертия и вечной жизни». Это – «айд» и «элизий»

* Там же. – С. 108–117.

древности: и как мы не поверим им и их *реальности*, раз у христианина — Пушкина, у стихотворца — Пушкина, ничего о древних в минуту написания стихотворения не думавшего, вдруг и неожиданно, вдруг и невольно, вдруг и неодолимо, — скользнула мысль к грекам, к римлянам, к тартару и мыслям Гезиода и Гомера...

* * *

Также мне ничего не приходило в голову при виде гусеницы, куколки и бабочки, которых я видал, с одной стороны, — одним существом; но, с другой стороны, — столь же выразительно, столь же ярко, и — *не одним*.

Тогда войдя к друзьям, бывшим у меня в гостях, Каптереву и Флоренскому, естественнику и священнику, я спросил их:

Господа, в гусенице, куколке и бабочке — которое же *я* их?

Т. е. “я” как бы одна буква, одно сияние, один луч.

“Я” и “точка” и “ничего”.

Каптерев молчал. Флоренский же, подумав, сказал: “Конечно, бабочка есть *энтелехия* гусеницы и куколки”.

“Энтелехия” есть термин Аристотеля, и — один из знаменитейших терминов им самим придуманный и филологически составленный. Один средневековый схоласт прозакладывал черту душу, только чтобы хотя в сновидении он объяснил ему, что в точности Аристотель разумел под “энтелехией”. Но, между прочим и Другим, у Аристотеля есть выражение, что “душа есть *энтелехия* тела”. Тогда сразу определилось для меня — из ответа Флоренского (да и что иначе мог ответить Флоренский, как не — это именно?), что “бабочка” есть *на самом деле*, тайно и метафизически, душа гусеницы и куколки.

Так произошло это, космогонически — потрясающее, открытие. Мы, можно сказать, втроем *открыли* душу насекомых, раньше, чем открыли и *доказали* ее — у человека.

Сейчас — давай рассматривать, “что же она делает?”

“Собирает нектар”, “копается в цветах”. Это подозрительно и *осудительно*. Но, в самом деле: у бабочки — совершенно нет *рта*, нет — ничего для питья и для принятия твердой пищи. Каптерев сейчас же сказал, как натуралист: “у *них* (он не сказал — у *всех*) — нет кишечника (я читал где-то, что, кажется, — иногда, “не бывает кишечника”): значит это — что *нет и желудка*? Конечно! Что за странное... существо, бытие? “Не питающееся”. Да долго ли они живут? Есть “мухи-поденки”. Но, во всяком случае — они, и уже бесспорно *все*, — *совокупляются*. Значит, “мир будущего века”, по преимуществу, определяется как “совокупление”: и тогда проливается свет на его неодолимость, на его — ненасытимости и, “увы” или “не *увы*”, — на его “священство”, что оно — “таинство” (таинство — брака). Открытий — чем дальше, тем — больше. Но явно, что у насекомых, коров, везде, — в животном и растительном мире, а вовсе не у человека одного, — оно есть “таинство, небесное и святое”. И именно в центральной его точке — *в совокуплении*. Тогда понятна “застенчивость половых органов”: это — “жизнь будущего века”, входим через это “в загробную жизнь”, “в жизнь будущего века”.

И, странно: тогда понятно *наслаждение*. “Эдем, блаженство”. Но — и

более: обратимся к “нектару цветов”. Действительно, поразительно то особенно, что насекомые (не одни бабочки, но и жуки, “бронзовики”, “Божии коровки”) копаются *в громадных относительно себя* половых органах деревьев, и особенно — кустов, роз и проч. олеандров и т. п., орхидей. *Чем цветы представляются для бабочек?* Вот бы что надо понять и что понять — *ноуменально необходимо*. Не невозможно, что для каждого насекомого — “дерево и цветок”, “сад и цветы” — представляются “раем”... Да *так* ведь и есть: “лето, тепло; и — Солнце”, в лучи которого они влетают; а с цветов — “собирают нектар”. Тогда нельзя не представить себе “соединение нектара и души”, и что “душа — для нектара”, а “нектар — для души”. В-третьих — миф: “боги *на Олимпе* питаются нектаром и амброзией”. Но и раньше мифа и параллельно ему: сколько света проливается в то, “почему же цветы пахнут”, и отчего же у растений цветы такие огромные, что в них — “влезть целому насекомому”. Совершенно явно: *величина* цветов — именно чтобы насекомому войти *всему*. Тогда понятно, что “растения слышат и думают” (сказки древности), да и вообще понятно, что они — “с душой”!! О, *какою* еще... Но вот что еще интереснее: что “сад”, вообще всякий сад, “наш и земной”, есть немножко и не “наш” и не “земной”, а тоже — “будущего”, “загробного века”. Тогда понятно — “*зима* и лето”, ибо *из зимы* и *через зиму*, пролежав зиму “в земле”, зернышко “встает из гроба”. В сущности, по закону — как и “куколка” бабочки.

Таким образом, “наши поля” суть “загробные поля”, “загробные нивы”. Тогда, конечно:

Когда *волнуется желтеющая нива*

.....

То в небесах *я вижу Бога*.

.....

Вообще понятно — особенное и волнующее чувство, испытываемое человеком в саду, испытываемое нами в поле, испытываемое нами в лесу, и — *рационалистически никак не объяснимое*. Понятно, почему “Антей, прикасаясь к матери-земле, опять восстанавливается в силах”. В “древности” вообще тогда очень многое объясняется: как равно у Достоевского его знаменитая, потрясающая, стоящая всего “язычника-Гете” фраза: “Бог взял семена *из миров иных* и посеял на землю. И возросло все, что могло возрасти. Но *все на земле живет через таинственное касание мирам иным*”. Тут — *все* язычество уже. Уже, напр., весь Египет, храмы коего — суть прямо рощи, колонны-деревья, непременно — деревья, с “капителями-цветами”. Да и каждый-то наш “сад” есть “таинственный храм”, и не только “посидеть в нем — поздороветь”, но и “посидеть — помолиться”. Да и понятны тогда “священные рощи древности”, понятна — “тишь вечера в лесу”, понятна вообще “природа как святая”, а — не “одно богословие святое”. Но вернемся еще к страстям и огню.

Таинственно через них и “оргии” действительно проглядывает “жизнь будущего века”. Ведь посмотрите, как подозрительно и *осудительно* ласкаются мотыльки с цветами. Действительно — нельзя не осудить.

Но... “жизнь будущего века”, и... что поделаешь. Тогда понятно, откуда и почему возникли все “оргии древности”; и что “без оргий не было древних религий”. Вспомнишь “нектар и амброзию” Олимпа; и как на рисунках, не смея словами, — я объяснил в “Восточных мотивах” египетские мистерии. Просматривая теперь в коллекции монет — монеты всевозможных стран с такими же точь-в-точь изображениями, — я уже смотрел на них с родством и немым пониманием: невысказанно и безмолвно, как я же в “Восточных мотивах”, древние передали на них любимые свои “мистерии”, о которых они о всех и всё знали, но никто ни единым словом не обмолвился, как “о жизни будущего века”, о которой *в этой земной жизни навсегда должно быть сохранено молчание*.

Но... Так вот откуда — “наши страсти”!!?? Эти поистине “протуберанцы солнца” (факелы, извержения из тела солнца). Да уж и солнце не в “страстях” ли? Поистине, “и на солнце есть — пятна”. Один Христос безпятнист. А наше солнышко — с “грешком”, горит и греет, горит и греет; горит — и вот “по весне”, когда его — “больше”, когда оно не только греет, но и начинает — горячить: тогда животные все забеременевают. Сила солнца, “грешок” солнца — переходит в животных. Все — тучнеет, животные у всего — разрастаются. Сама земля — просит зерна... И вот — Деметра, вот — Гея, и опять — “Волнующая нива”, которая “вздымает грудь к молитве”. Что же: сказать христианству, что это — “неправда”? И что в одних духовных академиях — богословие? Но гораздо более богословия в поднимающемся быке на корову... И вообще:

Весна идет, весна идет,
Везде идет зеленый гул

это — язычество, которое *истинно*: это —

Апис и Серапеум.

Каптерев задумался и сказал: “Открыто наблюдениями, что в гусенице, *обвившейся коконом, и которая кажется — умершею, начинается после этого действительно перестраивание тканей тела*. Так что она не мнимо умирает, но — действительно умирает... Только на месте умершей гусеницы начинает становиться что-то другое; но — именно этой определенной гусеницы, как бы гусеницы-лица, как бы с фамилией и именем: ибо из всякой гусеницы, *сюда положенной*, выйдет — *вон та бабочка*. А если вы гусеницу эту проткнете, напр., булавкою, тогда и бабочки из нее не выйдет, ничего не выйдет, и гроб останется гробом, а тело — не воскреснет”. Тогда-то, тогда мне стало понятно, почему феллахи (потомки древних египтян, явно сохранившие всю их веру) плакали и стреляли из ружей в европейцев, когда те перевозили мумии, извлеченные из пирамид и из царских могил. Они, эти нигилисты, заживо умершие и протухшие, не понимая ни жизни, ни смерти, “нарушили целостность тела их (феллахов) предков” и тем лишили их “воскресения”. Они, о чем предупредил Каптерев, как бы “разломали мумии пополам”, или, все равно — пронзили иголкою “куколку”, после чего она приобщается *смерти без бытия*. Тогда мысль, что “бабочка есть душа гусеницы”, “энтелехия гусеницы” (Флоренский) — еще более утвердилась у меня: а главное

— мне разъяснилось и *доказалось*, что египтяне в мышлении и открытиях “загробного существования” шли тем же путем, как я, т. е. “через бабочку” и ее “фазы”. Что это и для них был путь открытий и “откровений”, да ведь и вообще это — *истинно*. Тогда для меня ясны стали саркофаги — мумии. Кто видал их в нижнем этаже Эрмитажа, тот не мог не поразиться раньше всего — **величиною**. Зачем — такой **большой**, огромный саркофаг — для мумии умершего, вовсе не большой? Но ведь это — “кокон” куколки-человека; и строился саркофаг непременно и именно по образцу кокона. Вот такой же продолговато-гладкий, как решительно всякий кокон, какой, безусловно, строит себе всякая гусеница — и египтянин себе изготавлял, “окукливаясь”. И тело клалось — в пелены, “завертывалось”, как гусеница, напр., шелковичного червя, прямо “выпуская из себя” шелковые нити, прямо делает себе “шелковую рубашечку”.

Поверх этого жесткая, коричневая скорлупа. Это — саркофаг, всегда коричневатого однообразного тона. Кажется, он гипсовый, и тогда он и по материалу естества сходен с оболочкою куколки, ибо что-то вроде извести, как выпота, дает и тело гусеницы. Вообще, ритуал погребения у египтян вышел из подражания именно фазам окукливающейся гусеницы. А главное — отсюда скарабей-жук-насекомое, как “символ перехода в будущую, загробную жизнь”. Это знаменитейшее из божеств Египта, можно сказать, — самое великое их божество. Почему — насекомое? Но — *тот же путь*, как и у меня, рассуждения. Главное, самое главное, что египтяне открыли, — это “насекомообразную будущую жизнь”. И увековечили, что — именно *отсюда они ее открыли* — насекомыми, скарабеем. Это — благороднейшая память, т. е. воспоминание и благодарящая память за свою родную историю, и чем, главным образом, был полон смысл их истории. Отсюда уже множество объяснений, напр., почему во время “пиршеств” и особенно во время “домашних пирушек” — любили они “проносить мумии”. Это — не печаль, не страх, не угроза. Не “окаянная угроза христиан смертью”, — могущая прекратить всякую радость. Напротив, напротив: это — радость обещания вечной жизни и *радости этой жизни, ее воздушности, ее прелести*. “Мы теперь радуемся еще не совершенно”, “мы — в пире, но еще не полном”. “Лишь когда все кончится — мы войдем в полную любовь, в совершенный пир, с яствами, с питьями. Но вино наше будет неистощимо, и питья наши — сладостнее всех здешних, потому что это будет чистая любовь, и материальная же, вещественная, но уже как бы из одних лучей солнца, из света и пахучести и эссенции загробных цветов. Потому что уж если где **цветы**, то — за “гробом”.

Небесные розы! небесные розы!! — и египтяне вносили мумию.

